

УДК 81'1
doi 10.17072/2073-6681-2022-1-16-22

Категория враждебности как единство социокогнитивного и коммуникативного измерений

Екатерина Николаевна Василенко

к. филол. н., доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

212022, Республика Беларусь, г. Могилев, ул. Космонавтов, 1. e.n.vasilenko@gmail.com

SPIN-код: 7119-4923

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2552-5714>

Статья поступила в редакцию 12.11.2021

Одобрена после рецензирования 29.11.2021

Принята к публикации 06.12.2021

Информация для цитирования

Василенко Е. Н. Категория враждебности как единство социокогнитивного и коммуникативного измерений // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 1. С. 16–22. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-16-22

Аннотация. В статье рассматривается категория враждебности, или интолерантности, как бинарное единство ее социокогнитивного и коммуникативного измерений. Приводится характеристика коммуникативных категорий как наиболее общих понятий, упорядочивающих знания человека об общении и нормах его осуществления. Уделяется внимание коммуникативной категории толерантности, которая по своим характеристикам (антиконфликтность, некатегоричность и неимпозитивность) сближается с категорией вежливости. Подчеркивается, что коммуникативная вежливость и коммуникативная толерантность нетождественны. На основании исследования О. А. Михайловой охарактеризованы когнитивные, этические и прагматические основания категории толерантности. Установлено, что категория враждебности базируется на тех же когнитивных основаниях, что и категория толерантности, а именно на категории чуждости и категории идентичности, представленных в сознании говорящего оппозицией *свой – чужой (мы – они)* и играющих важнейшую роль в определении человеком своего места в мире. Этическими основаниями категории враждебности выступают категории *добро* и *зло*, а также *хорошо* и *плохо*, которые носят не только этический, но и когнитивный характер: знание добра используется человеком для обоснования тех или иных ценностных позиций. Прагматическим основанием категории враждебности является мотивация субъектов, напрямую связанная с установкой. Именно мотивация субъекта позволяет подробнее изучить социокогнитивное измерение категории враждебности и, как следствие, ее коммуникативный аспект.

Ключевые слова: враждебность; интолерантность; толерантность; вежливость; коммуникативная категория.

Коммуникативные категории как объект лингвистического изучения. Коммуникативные категории, ввиду своего общего и даже размытого характера, не получили однозначного определения в современной лингвистике. Анализируя различные трактовки коммуникативных категорий, О. А. Михайлова делает вывод о том, что всеми исследователями признаются следующие их характеристики: выполнение регулятивной функции, обусловленность национальной специ-

фикой, наличие нежесткой структуры и достаточно размытого содержания [Михайлова 2004: 16].

В нашем исследовании, вслед за И. А. Стерниным и К. М. Шилихиной, под коммуникативной категорией понимаются «самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления» [Стернин, Шилихина 2001: 34]. Коммуникативные категории организуют и/или регулируют коммуникативный процесс, имеют

определенную структуру и содержание, выражаемое разноуровневыми языковыми и речевыми средствами [Захарова 2000: 13].

Совокупность ментальных коммуникативных категорий образует коммуникативное сознание. Так, для русского коммуникативного сознания, по утверждению И. А. Стернина и К. М. Шилихиной, релевантны такие коммуникативные категории, как собственно категория *общение*, категории *вежливость*, *грубость*, *коммуникабельность*, *коммуникативная ответственность*, *эмоциональность*, *коммуникативная оценочность*, *коммуникативное давление* и др. [Стернин, Шилихина 2001: 34].

Толерантность как коммуникативная категория. Одной из коммуникативных категорий является категория толерантности, основными установками которой выступают антиконфликтность, некатегоричность и неимпозитивность [Стернин 2004: 133]. Как следует из перечисленных характеристик, категория толерантности сближается с категорией вежливости. Однако нельзя утверждать, что коммуникативная вежливость и коммуникативная толерантность тождественны.

О. П. Ермакова разграничивает категории вежливости и толерантности по признаку интеракциональности: «вежливость проявляется непосредственно в общении и относится к собеседнику или к лицу присутствующему (лишь некоторые правила речевого этикета предписывают вежливое упоминание отсутствующих старших: не называть их *он*, *она* и т. п.). Толерантность же распространяется и на лицо отсутствующее. Ведь сплошь и рядом человек, отрицательно относящийся к чьим-то убеждениям, чужим национальным традициям, особенностям, не высказывает своего отношения “в глаза” – это было бы невежливо. Но в отсутствие носителя чуждых ему убеждений он нередко выражается резко, может быть, даже грубо. В таких случаях человек явно проявляет нетерпимость, нетолерантность в самом истинном смысле этого слова, но вряд ли можно назвать это невежливостью» [Ермакова 2004: 70].

Такая трактовка природы толерантности и вежливости в обыденном представлении является интуитивно понятной. Однако полагаем, что толерантность и вежливость являются категориями смежными, а не взаимоисключающими или взаимодополняющими: поведение, в том числе речевое, может быть не только одновременно толерантным и вежливым или нетолерантным и невежливым, но и только толерантным или только вежливым. Так, высказывание «Полагаю, что женщины по своей природе склонны заниматься домом, а не строить карьеру» является вежли-

вым, но не толерантным, а высказывание «К черту все эти разделения обязанностей по половому признаку» – толерантным, но, очевидно, невежливым. Другими словами, вежливость может выступать своего рода формой для (ин)толерантного содержания.

Тем не менее важно еще раз подчеркнуть, что вежливость, помимо своего прагматического характера, носит еще и нравственный, этический характер, чем сближается с коммуникативной толерантностью, представляющей собой проявление более общей социокогнитивной категории толерантности. Н. И. Формановская пишет: «Толерантность и вежливость – как бы две стороны одной медали: “в общении не делай плохого другому, делай ему хорошее”» [Формановская 2005: 353].

По мнению О. А. Михайловой, коммуникативная категория толерантности базируется на когнитивных, прагматических и этических основаниях. К когнитивным основаниям относятся категория чуждости и категория идентичности; к прагматическим – вступление в диалог субъектов, имеющих разногласия, и их мотивация; к этическим – категория вежливости [Михайлова 2004]. Учитывая характер взаимоотношений категорий толерантности и интолерантности, или враждебности (в исследовании эти термины используются как синонимичные, так как речь идет о конфликте социальных групп – см.: [Василенко 2021]), полагаем, что при описании категории враждебности можно исходить из тех же критериев.

Основания категории враждебности. Категория враждебности, как было упомянуто выше, рассматривается нами в бинарном единстве ее коммуникативного и социокогнитивного измерений (ср.: [Василенко 2019; Махина 2017; Мехонина 2015]) как базирующаяся на близких категориях толерантности когнитивных, этических и прагматических основаниях.

Когнитивные основания категорий толерантности и враждебности совпадают и представлены категориями чуждости и идентичности. В качестве этических оснований категории враждебности мы рассматриваем категории *добро* и *зло*, а также *хорошо* и *плохо* (а не вежливость, которая, на наш взгляд, не выступает основанием враждебности, так как эти категории, как было сказано выше, находятся в отношениях пересечения), а в качестве прагматических – только мотивацию субъектов (см. ниже).

Когнитивные основания категории враждебности. Основопологающей категорией для категории враждебности, как и для категории толерантности, выступает категория чуждости, представленная в сознании говорящего противопоставлением *свой* – *чужой* (*мы* – *они*).

Оппозиция *свой – чужой* играет ключевую роль в определении человеком своего места, в связи с чем исследования феномена чуждости не принадлежат исключительно к домену социальной психологии («Поистине социальная психология становится наукой лишь с того момента, когда на место исходного психического явления ставит не “я и ты”, а “мы и они”, или “они и мы”, на место отношений двух личностей – отношения двух общностей» [Поршнева 1979: 81]), а являются важным объектом философского анализа: «В отношении чужого очевидно, что оно, составляя пару собственному, относится к актуальнейшим проблемам современного, пост- и гиперсовременного жизненного мира. При этом, однако, не следует сразу же говорить о моде. <...> Чужое не является всего лишь симптомом растущей мульти- и межкультуральности. Феноменологи могут указать и на то, что опыт чужого относится к основным проблемам феноменологического мышления уже длительное время, начиная с Гуссерля, Хайдеггера и Шюца и кончая Сартром, Мерло-Понти, Левинасом и Деррида» [Вальденфельс 1999: 123].

Анализируя историю становления архетипической оппозиции *мы – они* от первобытного общества и подчеркивая ее важность для идентификации личности с определенной социальной группой, Б. Ф. Поршнева приходит к важнейшей идее: «Прошли долгие тысячелетия, прежде чем впервые пробудилась мысль, что “мы” может совпадать со всем человечеством и, следовательно, не противостоять никакому “они”» [Поршнева 1979: 84]. На наш взгляд, это описание в полной мере характеризует суть социальной толерантности. Однако, несмотря на все большее распространение принципов недискриминации и равенства, идеи превосходства «своей» социокультурной группы над «чужой» продолжают транслироваться (и, возможно, даже учащаются) в повседневной коммуникации.

Таким образом, неразрывно связанной с категорией чуждости оказывается категория идентичности, предполагающая признание себя частью общности. Коллективная идентичность выступает «средством объединения с одними и дистанцирования от других» [Рябов 2001: 34]. О. В. Рябов выделяет в идентичности «позитивные» и «негативные» элементы. Позитивный аспект «характеризует соотнесение себя с определенным объектом, группой и принятие присущих ему ценностей в качестве своих», негативный аспект связан «с неприятием того или иного социального объекта идентичности и стремлением исключить приписываемые ему черты из собственного “Я”» [там же]. Такое понимание идентичности очевидным образом базируется на эти-

ческих категориях «добро и зло» и «хорошо и плохо».

Этические основания категории враждебности. Важность категорий *добро и зло*, а также *хорошо и плохо* для человеческого самосознания сложно переоценить: «в смысловом пространстве “добро – зло” отражается система ценностей, которая организует жизнь людей, вследствие чего понимание различий между добром и злом, разграничение этих понятий является одним из главных условий устойчивости общества, а в наше время – и существования человечества» [Долгополова 2019: 192].

Отметим обусловленность данных категорий культурным контекстом: «в прикладных аспектах добро-и-зло в социальном действии, а также хорошо-и-плохо в нравственных суждениях, выступают *культурными производными* от правил общественной кооперации и норм морального согласия» [Согомонов 2013: 51].

Важным для нашего исследования представляется и тот факт, что категории «добро и зло» и «хорошо и плохо» носят не только этический, но и когнитивный характер. В моральном сознании сложно разграничить собственно познавательное и собственно ценностное: как и в случае с другого рода знаниями, знание добра используется человеком для обоснования тех или иных ценностных позиций [Максимов 2008: 17].

Прагматические основания категории враждебности. Прагматическими основаниями категории толерантности, по мнению О. А. Михайловой, являются вступление в диалог субъектов, имеющих разногласия, и их мотивация [Михайлова 2004]. Лингвист отмечает, что толерантность выполняет регулирующую функцию и служит конституирующим признаком успешного диалога, понимаемого как любое социально значимое взаимодействие: «именно для такого социального диалога коммуникативная категория толерантности является едва ли не самым значимым признаком» [Михайлова 2004: 22].

Именно в этом аспекте видится основное различие категорий толерантности и враждебности: ни социокогнитивное, ни коммуникативное измерение враждебности не предполагает обязательного вступления субъектов в диалог (как в узком, так и в широком понимании): в социокогнитивном измерении – враждебность как ориентация личности [Ильин 2009: 254] – не обязательно непосредственное присутствие или контакт с субъектом, на которого направлена враждебность; в коммуникативном измерении враждебность раскрывается не только при коммуникативном взаимодействии двух или более субъектов, но и может манифестироваться в монологических высказываниях, не предполагающих

(или предполагающих лишь косвенно) интеракцию с адресатом – «мишенью» враждебности.

Ключевым аспектом при этом является наличие определенной мотивации и коммуникативной интенции говорящего, обуславливающих выбор субъектом стратегий и тактик его поведения, в том числе речевого: «Деятельность общения *обязательно* включает в себя определенную мотивацию или, вернее, потребность в общении, формирующуюся у коммуникатора благодаря тем или иным внекоммуникативным факторам и – в процессе ориентировки в проблемной ситуации – преобразующуюся в мотив деятельности общения. Одновременно формируется “смутное желание” (Л.С. Выготский), т. е. коммуникативное намерение (коммуникативная интенция), вычленяется коммуникативная задача. Затем осуществляется ориентировка в условиях этой задачи, благодаря чему становится в дальнейшем возможным планирование речевых (и вообще коммуникативных) действий. Это планирование (программирование), происходящее при помощи внутреннего (субъективного) кода, делает возможным переход к следующему этапу – конкретной семантико-грамматической реализации плана (программы, замысла) высказывания и т. д.» [Леонтьев 1997: 143–144]. Мотивы при этом всегда личностно окрашены: «мотивы <...> придают личностный смысл целям, действиям, их содержанию»; «сфера смыслов – это и есть сфера, как философ бы сказал, этик – ценностей человеческих, личностных ценностей» [Леонтьев 2000: 450–451].

В коммуникативном ракурсе различие между категориями толерантности и враждебности можно описать следующим образом: толерантное речевое поведение предполагает установку на предотвращение или профилактику конфликтов и споров, установку на стратегию компромисса в урегулировании споров и установку на сохранение лица собеседника в споре [Стернин 2004: 133–134] (в скобках отметим, что последняя установка очевидным образом связывает категории толерантности и вежливости); в то время как «установка на конфликт, конфронтацию характеризует выбор поведения с активным воздействием на партнера по коммуникации, с доминированием роли говорящего, с использованием негативных средств речевого общения, с нарушением коммуникативных норм» [Купина, Михайлова 2002: 23].

Сказанное выше подводит нас к необходимости рассмотрения конфликта как неизбежной составляющей межгрупповой коммуникации, что позволит очертить социокогнитивное измерение категории враждебности и ее коммуникативный аспект с точки зрения мотивации противоборствующих сторон конфликта.

Заключение. Таким образом, категория враждебности, или интолерантности, представляет собой бинарное единство социокогнитивного и коммуникативного измерений и базируется на когнитивных основаниях категории чуждости и категории идентичности, представленных в сознании говорящего оппозицией *свой – чужой* (*мы – они*) и играющих важнейшую роль в определении человеком своего места в мире. Данные категории непосредственным образом связаны с категориями *добро* и *зло*, а также *хорошо* и *плохо*, выступающими этическими основаниями категории враждебности. Прагматическим основанием категории враждебности является мотивация субъектов, напрямую связанная с установкой. Именно мотивация субъекта, ориентированного на конфликт, позволяет подробнее изучить социокогнитивное измерение категории враждебности и, как следствие, ее коммуникативный аспект.

Список литературы

Вальденфельс Б. Ответ чужому: основные черты респонзивной феноменологии // Мотив чужого: сб. / пер. с нем. Минск: Европ. гуманитар. ун-т, 1999. С. 123–140.

Василенко Е. Н. «Язык вражды» как предмет научного анализа и как социальный феномен (теоретическое обоснование перспектив исследования) // Филология и человек. 2019. № 4. С. 136–145. doi: 10.14258/filichel(2019)4-11.

Василенко Е. Н. «Язык вражды» как форма проявления конфликтов, основанных на стереотипах // Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия 4. Принт- и медиатехнологии. 2021. № 2 (249). С. 90–97.

Долгополова М. В. Смысловое пространство ‘добро – зло’ в русском языке: формирование и функционирование: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2019. 252 с.

Ермакова О. П. Толерантность и проблемы коммуникации // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2004. С. 60–73.

Захарова Е. П. Типы коммуникативных категорий // Проблемы речевой коммуникации: сб. науч. тр. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2000. С. 12–19.

Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер, 2009. 576 с.

Купина Н. А., Михайлова О. А. Лингвистические проблемы толерантности // Мир русского слова. 2002. № 5. С. 22–27.

Леонтьев А. А. Психология общения. 2-е изд., испр. и доп. М.: Смысл, 1997. 365 с.

Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии: учеб. пособие. М.: Смысл, 2000. 509 с.

Максимов Л. В. Когнитивный статус этики // Этическая мысль. 2008. Вып. 8. С. 3–20.

Махина Л. А. Вербальные и невербальные средства выражения коммуникативно-прагматической категории «враждебность» в конфликтотогенных текстах (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017. 30 с.

Мехонина Е. Н. Коммуникативно-речевая категория враждебности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2015. № 18 (215). Вып. 27. С. 149–155.

Михайлова О. А. Толерантность в речевой коммуникации: когнитивные, прагматические и этические основания // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2004. С. 15–26.

Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. 2-е изд., доп. и испр. М.: Наука, 1979. 232 с.

Рябов О. В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М.: Ладомир, 2001. 202 с.

Согомонов А. Ю. Моральная философия и прикладные этики (истоки деонтологического конфликта в современном мире) // Ведомости прикладной этики. 2013. Вып. 43. С. 44–54.

Стернин И. А. Проблемы формирования категории толерантности в русском коммуникативном сознании // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: колл. монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 130–149.

Стернин И. А., Шилихина К. М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. 135 с.

Формановская Н. И. Ритуалы вежливости и толерантность // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 337–354.

References

Waldenfels B. *Otvét chuzhomu: osnovnye cherty responzivnoy fenomenologii* [Response to the other: Main features of responsive phenomenology]. *Motiv chuzhogo* [Motive of the Other]. Transl. from German. Minsk, European Humanities University Press, 1999, pp. 123–140. (In Russ.)

Vasilenko E. N. 'Yazyk vrazhdy' kak predmet nauchnogo analiza i kak sotsial'nyy fenomen (teoreticheskoe obosnovanie perspektiv issledovaniya) [Hate speech as an object of research and as a social phenomenon (theoretical grounding of research prospects)]. *Filologiya i chelovek* [Philology and Human], 2019, issue 4, pp. 136–145. doi: 10.14258/filichel(2019)4-11. (In Russ.)

Vasilenko E. N. 'Yazyk vrazhdy' kak forma proyavleniya konfliktov, osnovannykh na stereotipakh [Hate speech as a form of manifestation of conflicts based on stereotypes]. *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Seriya 4, Print- i mediatekhnologii* [Proceedings of BSTU, Series 4, Print- and Mediatechnologies], 2021, issue 2 (249), pp. 90–97. (In Russ.)

Dolgoplova M. V. *Smyslovoe prostranstvo 'dobro – zlo' v russkom yazyke: formirovanie i funktsionirovanie*. Diss. kand. filol. nauk [Semantic space 'good – evil' in the Russian language: Formation and functioning. Cand. philol. sci. diss.]. Ufa, 2019. 252 p. (In Russ.)

Ermakova O. P. *Tolerantnost' i problemy kommunikatsii* [Tolerance and communication problems]. *Kul'turnye praktiki tolerantnosti v rechevoy kommunikatsii* [Cultural Practices of Tolerance in Speech Communication]. Ekaterinburg, Ural State University Press, 2004, pp. 60–73. (In Russ.)

Zakharova E. P. *Tipy kommunikativnykh kategoriy* [Types of communicative categories]. *Problemy rechevoy kommunikatsii* [Problems of Speech Communication]. Saratov, Saratov State University Press, 2000, pp. 12–19. (In Russ.)

Il'in E. P. *Psikhologiya obshcheniya i mezhlchnostnykh otnosheniy* [Psychology of Communication and Interpersonal Relations]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009. 576 p. (In Russ.)

Kupina N. A., Mikhaylova O. A. *Lingvisticheskie problemy tolerantnosti* [Linguistic problems of tolerance]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], 2002, issue 5, pp. 22–27. (In Russ.)

Leont'ev A. A. *Psikhologiya obshcheniya* [Psychology of communication]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow, Smysl Publ., 1997. 365 p. (In Russ.)

Leont'ev A. N. *Lektsii po obshchey psikhologii* [Lectures on General Psychology]. Moscow, Smysl Publ., 2000. 509 p. (In Russ.)

Maksimov L. V. *Kognitivnyy status etiki* [Cognitive standing of ethics]. *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought], 2008, issue 8, pp. 3–20. (In Russ.)

Makhina L. A. *Verbal'nye i neverbal'nye sredstva vyrazheniya kommunikativno-pragmaticheskoy kategorii 'vrazhdebnost'' v konfliktogennykh tekstakh (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Verbal and non-verbal means of expression of the communicative-pragmatic category 'hostility' in conflictogenic texts (based on the material of the modern German language). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2017. 30 p. (In Russ.)

Mekhonina E. N. *Kommunikativno-rechevaya kategoriya vrazhdebnosti* [Communicative-speech category of hostility]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya*

Gumanitarnye nauki [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Humanities series], 2015, issue 18 (215), issue 27, pp. 149–155. (In Russ.)

Mikhaylova O. A. Tolerantnost' v rechevoy kommunikatsii: kognitivnye, pragmaticheskie i eticheskie osnovaniya [Tolerance in speech communication: Cognitive, pragmatic and ethical grounds]. *Kul'turnye praktiki tolerantnosti v rechevoy kommunikatsii* [Cultural Practices of Tolerance in Speech Communication]. Ekaterinburg, Ural State University Press, 2004, pp. 15–26. (In Russ.)

Porshnev B. F. *Sotsial'naya psikhologiya i istoriya* [Social Psychology and History]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 232 p. (In Russ.)

Ryabov O. V. *'Matushka-Rus': Opyt gender-nogo analiza poiskov natsional'noy identichnosti Rossii v otechestvennoy i zapadnoy istoriosofii* ['Mother Russia': The experience of gender analysis of the search for national identity of Russia in Russian and Western historiography]. Moscow, Ladimir Publ., 2001. 202 p. (In Russ.)

Sogomonov A. Yu. *Moral'naya filosofiya i prikladnye etiki (istoki deontologicheskogo konflikta v*

sovremennom mire) [Moral philosophy and applied ethics (the origins of deontological conflict in the modern world)]. *Vedomosti prikladnoy etiki* [Proceedings of Applied Ethics], 2013, issue 43, pp. 44–54. (In Russ.)

Sternin I. A. Problemy formirovaniya kategorii tolerantnosti v russkom kommunikativnom soznanii [On the formation of the category of tolerance in Russian communicative consciousness]. *Kul'turnye praktiki tolerantnosti v rechevoy kommunikatsii* [Cultural Practices of Tolerance in Speech Communication]. Ekaterinburg, Ural State University Press, 2004, pp. 130–149. (In Russ.)

Sternin I. A., Shilikhina K. M. *Kommunikativnye aspekty tolerantnosti* [Communicative Aspects of Tolerance]. Voronezh, Voronezh State University, 2001. 135 p. (In Russ.)

Formanovskaya N. I. *Ritualy vezhlivosti i tolerantnost'* [Rituals of politeness and tolerance]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and Linguoculturological Issues of Tolerance]. Moscow, OLMA-PRESS, 2005, pp. 337–354. (In Russ.)

The Category of Hostility as a Unity of the Sociocognitive and Communicative Dimensions

Ekaterina N. Vasilenko

Associate Professor in the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Mogilev State A. Kuleshov University

1, Kosmonavtov st., Mogilev, 212022, Republic of Belarus. e.n.vasilenko@gmail.com

SPIN-code: 7119-4923

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2552-5714>

Received 12 Nov 2021

Revised 29 Nov 2021

Accepted 6 Dec 2021

For citation:

Vasilenko E. N. *Kategoriya vrazhdebnosti kak edinstvo sotsiokognitivnogo i kommunikativnogo izmereniy* [The Category of Hostility as a Unity of the Sociocognitive and Communicative Dimensions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 1, pp. 16–22. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-16-22 (In Russ.)

Abstract. The article considers the category of hostility, or intolerance (the terms are used as synonyms), as a binary unity of its sociocognitive and communicative dimensions. Communicative categories are characterized in the paper as the most general concepts that organize a person's knowledge about communication and the norms and rules of its implementation. Special attention is paid by the author to the communicative category of tolerance, which – according to its main characteristics (these include its anti-conflict and non-categorical character as well as non-impositivity) – is adjacent to the category of politeness. It is emphasized that communicative politeness and communicative tolerance are not identical in their nature. Based on the research by O. A. Mikhailova, the cognitive, ethical, and pragmatic foundations of the category of toler-

ance are described. It has been established that the category of hostility, or intolerance, is based on the same cognitive grounds as the category of tolerance, namely on the category of alienness and the category of identity that are represented in the speaker's mind by friend-or-foe (*we* vs. *they*) opposition and play an important role in determining a person's place in the world. The ethical foundations of the category of hostility are the categories of *good* and *evil*, as well as *good* and *bad*, which are not only of ethical but also of cognitive nature: the knowledge of good is used by a person to justify certain value positions. The pragmatic basis of the category of hostility is the motivation of subjects that is directly related to their psychological attitude. It is the motivation of the subject that allows us to study the sociocognitive dimension of the category of hostility and, as a consequence, its communicative aspect in more detail.

Key words: hostility; intolerance; tolerance; politeness; communicative category.